

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 512–519

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 512–519

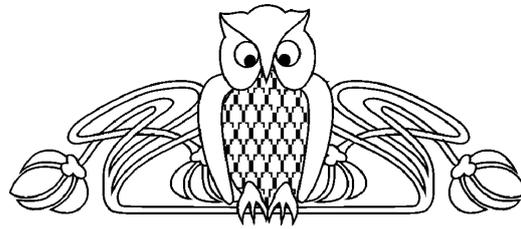
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-512-519>, EDN: RALSBK

Научная статья

УДК 327(73)|19/20|

Американская «война с террором» до 11 сентября 2001 г.: формирование концепции

О. К. Рыбалко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рыбалко Ольга Константиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, rybalkook@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9001-8287>, AuthorID: 788255

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования концепции «войны с террором» в США в 1980–1990 гг., демонстрируется преемственность ее ключевых идей и принципов на протяжении двух десятилетий. Базовые компоненты этой концепции – восприятие терроризма как формы асимметричной войны, провозглашение глобальной миссии США по искоренению террористической угрозы, акцент на использовании военной силы в борьбе с терроризмом, обоснование права на упреждающий удар, – были выработаны в администрации Р. Рейгана, восприняты Дж. Бушем-старшим и развиты в период президентства Б. Клинтона. В 2001 г. Джордж Буш-младший имел готовый набор инструментов для обоснования «войны с террором» и превращения этой концепции в часть стратегии глобального доминирования США.

Ключевые слова: внешняя политика США, международный терроризм, Р. Рейган, Дж. Шульц, Дж. Буш-старший, Б. Клинтон, «война с террором», превентивная самооборона

Для цитирования: Рыбалко О. К. Американская «война с террором» до 11 сентября 2001 г.: формирование концепции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 512–519. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-512-519>, EDN: RALSBK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The U.S. “War on Terror” before 9/11: Framing the concept

О. К. Rybalko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga K. Rybalko, rybalkook@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9001-8287>, AuthorID: 788255

Abstract. The article examines the process of framing the concept of the “War on Terror” in the United States during the 1980–1990s and demonstrates the continuity of its key ideas and principles over two decades. The basic components of the concept, like the perception of the terrorism as a form of asymmetrical warfare, the declaration of the U.S. global mission to terminate the terrorist threat, the emphasis on use of military force for fighting against terrorism, the justification of a preemptive strike, were developed in the Ronald Reagan administration, adopted by George H. W. Bush and developed during the presidency of Bill Clinton. In 2001 George W. Bush had a ready set of tools to justify the “War on Terror” and to turn this concept into part of the US strategy of global dominance.

Keywords: U.S. foreign policy, international terrorism, Ronald Reagan, George Shultz, George H. W. Bush, B. Clinton, “War on Terror”, preemptive self-defense

For citation: Rybalko O. K. The U.S. “War on Terror” before 9/11: Framing the concept. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 512–519 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-512-519>, EDN: RALSBK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Выражение «война с террором» сегодня прочно ассоциировано с событиями 11 сентября 2001 г. Президент Джордж Буш-младший сравнил взрывы башен-близнецов с нападением на Перл-Харбор и объявил о начале «первой

войны XXI века» [1], которая, как и мировые конфликты предыдущего столетия, должна была знаменовать трансформацию системы международных отношений и определить конфигурацию нового мирового порядка. При отсутствии рав-

нозначных конкурентов и неоспоримом военном и моральном лидерстве США этот новый миропорядок явно очерчивался в контурах однополярности. Потому неудивительно, что принципы и идеи, положенные в основу манифестации и реализации американской антитеррористической стратегии – восприятие террористических атак как формы войны, обоснование своего права на упреждающий военный ответ, пренебрежение необходимостью доказывать наличие реальной угрозы, «назначение» государств, ответственных за распространение терроризма – воспринимаются как явления, порожденные «однополярным моментом» после окончания холодной войны и маркирующие кардинальный сдвиг во внешней политике США.

Глобальную «войну с террором» действительно можно расценивать как явление беспрецедентное по форме и масштабам. Однако и форма, и масштаб, и идеологические обоснования ее были определены в рамках концепции, сформулированной в США задолго до 11 сентября. Дж. Буш-младший по сути перенял и адаптировал под задачи текущего момента тот подход к борьбе с международным терроризмом, который был выработан в администрации Р. Рейгана, воспринят кабинетом Дж. Буша-старшего и расширен в период президентства Б. Клинтона. Анализ процесса формирования этого подхода позволяет увидеть, как на протяжении трех последних десятилетий XX в. в США формировался образ глобальной угрозы, задачи противостояния которой заняли центральное место в американской внешней политике и определили мировую политическую повестку в начале нового тысячелетия.

Первым американским президентом, поставившим вопрос о борьбе с международным терроризмом в центр своей внешнеполитической программы, стал Рональд Рейган. Призыв «выступить против терроризма во всем мире» [2] и обещание направить на это все ресурсы своей администрации нашли отклик в американском обществе и добились Рейгану очков еще на этапе предвыборной кампании 1980 г., где его соперником был действующий президент Джимми Картер.

Кампания разворачивалась на фоне печально известной истории с захватом американского посольства в Тегеране. С 4 ноября 1979 г. дольше года 52 сотрудника посольства находились в заложниках. Инициированная Картером в апреле 1980 г. операция по их спасению силами спецназа окончилась грандиозным провалом. Картер успел разрешить этот вопрос в последнюю ночь своего президентства – заложники были освобождены 20 января 1981 г., однако для их возвращения американской стороне пришлось пойти на переговоры и сделку с революционным Ираном, уступив тем, кто провозглашал: «Смерть Америке!» [3]. Это был удар по национальной гордости американцев, которые еще до конца

не оправались от фиаско американских войск во Вьетнаме. По данным опросов, к сентябрю 1980 г. лишь 23% респондентов положительно оценивали международную деятельность Картера [4, р. 2].

Широко и активно освещавшие и обсуждавшие весь ход кризиса СМИ также способствовали тому, что проблема терроризма из рядового вопроса внешнеполитической повестки впервые превратилась в фактор внутренней политики, что влекло электоральные последствия. Далекая угроза стала восприниматься американскими избирателями как серьезная и близкая при том, что, невзирая на трагизм каждого из случаев террористических атак, по статистике ежегодное количество жертв терроризма среди американцев было ниже, чем количество погибших от удара молнии или укуса пчелы [5, р. 7].

Рейган сыграл на страхах и разочаровании американцев, пообещав вернуть им веру в силу Америки и гордость за свою страну. Он решительно выступал против переговоров с террористами и настаивал на том, что Соединенные Штаты должны взять на себя ведущую роль в сдерживании этого нового «бича цивилизации» [6]. Наряду с этим он обещал вернуть могущество и боеспособность американской армии, увеличив расходы на оборону [2]. В сложившихся условиях это отвечало как чаяниям простых граждан США, так и интересам представителей консервативных и неоконсервативных кругов американского истеблишмента, чье влияние стало возрастать с конца 1970-х гг. [7, р. 6].

Воинственная риторика Рейгана принесла ему победу на выборах. С первых дней на посту новый президент и члены его кабинета подчеркивали верность взятому курсу, заявляя, во-первых, что США никогда больше не пойдут на сделки и уступки террористам, а во-вторых, что «государства, спонсирующие терроризм, заплатят за свои действия» [8, р. iv], и больше ни одна террористическая атака не останется без «быстрого и эффективного возмездия» [9]. В дискуссиях о форме и инструментах возмездия стала обсуждаться возможность нанесения военного удара по террористам. Вопрос вызывал споры – террористические акты, совершенные на территории страны, рассматривались как преступления, за которые следовала индивидуальная уголовная ответственность; использование вооруженных сил за рубежом означало участие в войне против другого государства или в поддержку сил, признаваемых легитимными. Кто или что будет являться объектом военного удара в случае борьбы с террористами, и чем должен быть обоснован этот удар, было неочевидно.

Особую остроту этот спор приобрел в 1983 г. после того, как в Ливане было совершено два крупных теракта против американцев. В апреле 1983 г. бомба взорвалась в американском

посольстве, а 23 октября того же года были взорваны казармы международных миротворческих сил в Бейруте, где погиб 241 американский военнослужащий. Президент Рейган был настроен весьма решительно: «Те, кто руководил этими злодеяниями, должны получить по заслугам, и они получают» [10]. По данным разведки, ответственность за теракты лежала на движении «Хезболла», и военные планировщики прорабатывали сценарии авиаударов по ее объектам в Ливане. Эти планы не были реализованы: ряд чиновников сомневались в том, насколько убедительными будут представленные разведкой доказательства [11, р. 247]. Кроме того, серьезное сопротивление самой идее использования вооруженных сил в антитеррористических кампаниях шло со стороны министерства обороны и возглавлявшего его Каспара Вайнбергера. Министр обороны был убежден сам и смог убедить президента в том, что военный удар приведет к жертвам среди гражданского населения и лишь усугубит ситуацию, вызовет гнев мусульман и спровоцирует «Хезболлу» на новые атаки. Лучшим способом предотвратить будущие нападения Вайнбергер считал вывод контингента США из Ливана [4, р. 30]. В данном случае его умеренный подход возобладал – американские морские пехотинцы ушли из Бейрута. Однако, по итогам расследования этого инцидента были сформулированы выводы, отражающие принципиально новый взгляд на природу ближневосточного терроризма и толкавшие к пересмотру стратегии и методов контртеррористической борьбы.

В отчете комиссии, созданной для изучения обстоятельств нападения на морских пехотинцев в Бейруте, недвусмысленно заявлялось, что это действие было равносильно военному акту с использованием террористических средств. «Террористическая война... представляет собой растущую с пугающей скоростью угрозу для Соединенных Штатов» [12, р. 9], – отмечалось в документе, где указывалось также на то, что реактивная политика отдает инициативу террористам, и рекомендовалось подготовиться и переходить к активным действиям с использованием всего диапазона мер политического и военного давления [12, р. 128]. Впервые в США на уровне правительственных ведомств террористический акт был приравнен к акту войны, требующему военного ответа.

Подобную точку зрения разделял и продвигал оппонент Каспара Вайнбергера в администрации госсекретаря США Джордж Шульц, который последовательно, активно и красноречиво призывал сражаться с террористами всеми доступными средствами, на их территории и желательно, не дожидаясь, пока террористы ударят первыми. «Терроризм... это не просто преступная деятельность, это разнузданная форма ведения войны... Мы должны выйти за рамки пассивной защиты

и прибегнуть к средствам активного предотвращения, упреждения и возмездия», – заявлял Шульц в 1984 г. в своей программной речи, произнесенной в синагоге на Парк-Авеню в Манхэттене и переложенной впоследствии в эссе «Терроризм и современный мир» [13]. Этотopus можно считать доктринальным: в нем комплексно и системно изложены взгляды госсекретаря на природу терроризма как новой устрашающей угрозы не только для США, но и для всего мира, определены инструменты противодействия этой угрозе, сформулированы задачи, которые необходимо решить внутри страны и на международной арене для консолидации усилий в борьбе.

Особый интерес представляют идеи Шульца относительно обоснования использования США своей военной силы для решения террористической проблемы. Необходимость действовать на опережение, полагал Шульц, не позволяет тратить время на скрупулезный сбор доказательств наличия угрозы и соблюдения всех юридических процедур обвинения. Поэтому и американские граждане, и представители цивилизованного человечества должны были проникнуться мыслью о том, что террористы – это «новые варвары», которым чужды и ненавистны все достижения и ценности западной цивилизации, и признать за США моральное право, и даже обязанность защищать все то, что так дорого американцам и друзьям Америки и что составляет сущность демократии: «Возможно, у нас никогда не будет доказательств, которые мы смогли бы представить в суде, но мы не можем позволить себе стать нацией-Гамлетом, что вечно беспокоится, стоит ли реагировать, и каким образом. Великая нация, несущая глобальную ответственность, не может позволить себе, чтобы ей мешали сомнения и нерешительность. Борьба с терроризмом не будет честным и легким состязанием, но у нас нет другого выбора, кроме как участвовать в нем» [13, р. 14].

Внутри страны американское общество, по мнению Шульца, должно было оказать полное доверие правительству и дать ему карт-бланш в вопросе выбора методов и объектов контртеррористической борьбы, приняв все возможные риски: например, гибель военных и мирного населения в ходе антитеррористических операций или критику действий армии и правительства США. На международной арене Шульц также рассчитывал на объединение усилий и сплочение демократий под стягами США: «Если враги наших ценностей едины, то и демократические страны должны быть едины в их защите» [13, р. 14]. При этом у защитников не должно быть моральных терзаний и сомнений по поводу правомерности их действий в борьбе с терроризмом – демократии правы уже на том основании, что они демократии: «Демократические страны должны показать, верят ли они в себя... Нет места вине или неуверенности в себе

в отношении нашего права защищать образ жизни, который дает всем народам надежду на мир, прогресс и человеческое достоинство» [13, р. 14].

Принципиально важной частью нового подхода к выработке контртеррористической стратегии в 1980-е гг. стало определение «государств-спонсоров терроризма». Список стран, поддерживающих терроризм, был составлен Государственным департаментом еще в 1979 г. [14]. Тогда он носил скорее технический характер и был создан для обеспечения исполнения Закона о контроле над экспортом [15], призванного не допустить продаж американского оружия и технологий двойного назначения недружественным США странам на фоне учащения случаев террористических актов против американских граждан и объектов инфраструктуры за рубежом. При Рейгане, в том числе благодаря усилиям Джорджа Шульца, проблема государственной поддержки терроризма была вписана в единую концепцию антитеррористической борьбы, что позволяло, с одной стороны, усилить ее идеологический компонент, с другой – облегчить вопрос практической реализации в плане определения объекта противостояния.

В дискурсивной плоскости наряду с продвижением образа терроризма как абстрактного зла или неуловимой сети подпольных группировок, среди которых бывает трудно отличить злобных террористов от гордых борцов за свободу, появляется объект с вполне осязаемыми физическими характеристиками. Что характерно, в риторике Шульца «государства-спонсоры терроризма» рисуются не как отдельно взятые акторы, действующие каждый в своих интересах, а как «Лига террора» [16, р. 13] (сравним с «Осью зла» Джорджа Буша-младшего), единое сообщество врагов «свободного мира». Терроризм, таким образом, представляется не тактическим инструментом, используемым по различным поводам и в различных контекстах, а как идеология, объединяющая противников США и их союзников. Такое понимание проблемы позволяло настаивать на необходимости выработки универсальной, глобальной стратегии борьбы с терроризмом и отказа от анализа частных случаев.

В практическом отношении обозначение «государств-спонсоров терроризма» позволяло безошибочно определить его в качестве цели праведного возмездия. В пособии, изданном в 1985 г. корпорацией RAND для ВВС США и символически озаглавленном «Международный терроризм: новая мировая война», помимо констатации реальности перспективы использования военной силы для борьбы с государственным терроризмом [17, р. 25], отмечается: «Государственная поддержка терроризма... способствует его эскалации, поскольку террористы, поддерживаемые государством, обладают большими ресурсами всех видов... Но государства, совершающие террористические действия против США, также

подвергаются большему риску, поскольку их легче идентифицировать, чем небольшие группы, действующие независимо» [17, р. VI].

Довольно скоро список «стран-спонсоров терроризма» из технического документа внутриведомственного пользования стал инструментом внешнеполитического воздействия с мощным идеологическим зарядом. Государства включались в этот перечень и исключались из него опционально, в соответствии с текущими задачами правительства США. Так, к примеру, Ирак, названный «спонсором терроризма» в 1979 г., был исключен из этого списка в 1982 г., после того как Саддам Хусейн вторгся в Иран, и снова включен в 1990 г., когда Саддам Хусейн вторгся в Кувейт [18, р. 141–142].

Это новое видение угрозы международного терроризма с выбором в пользу ее активного военного упреждения стало закрепляться в Белом доме в качестве доминирующего. В апреле 1984 г. президент Рейган подписал Директиву о решении в области национальной безопасности № 138 «Борьба с терроризмом» (NSDD-138), которая среди прочего обязывала министерство обороны США «разработать военную стратегию, нацеленную на активную превентивную борьбу с международным терроризмом, осуществляемую прежде, чем террористы смогут начать враждебные действия», а также «разработать полный спектр военных вариантов борьбы с терроризмом» [19].

Практическим воплощением нового подхода к борьбе с терроризмом и исполнением Директивы-138 можно считать военную операцию против Ливии в апреле 1986 г. На фоне участвовавших в 1984–1985 гг. террористических атак против американских военных и гражданских лиц Муаммар Каддафи с его демонстративной антиамериканской риторикой и готовностью приписать себе в заслуги любой враждебный США акт, стал очевидным выбором в качестве цели удара. Этот шаг был с одобрением встречен в обществе, где зрело разочарование от расхождения воинственной риторики президента и госсекретаря с реальными действиями администрации. По данным опросов, накануне начала операции 72% американцев были согласны с тем, что США следует использовать военную силу против террористов и «государств-спонсоров», даже если это сопряжено с риском жертв среди гражданского населения [20, р. 774]. Таким образом, внутри страны удалось добиться того консенсуса по вопросу осуществления военных действий против террористов, о котором говорил Джордж Шульц.

Однако на международном уровне такой поддержки США добиться не удалось. Большинство союзников по НАТО выступили против апрельского рейда 1986 г. против Ливии. Франция и Испания запретили самолетам ВВС США использовать свое воздушное пространство. Операцию поддержали только Великобритания, Ка-

нада и Израиль. Следует упомянуть о том, что на полях ООН не прекращались дебаты о правомерности действий Израиля, который с 1960-х гг. заявлял о том, что применение силы против государств, поддерживающих или укрывающих террористов, является законным актом самообороны и на этом основании, в частности, осуществлял авианалеты на Сирию и Ливан. Многие полагают, что Израиль сам таким образом осуществляет государственный терроризм [21, р. 76]. Шульц, формулируя принципы нового подхода к борьбе с терроризмом, вдохновлялся примером израильских коллег. В 1986 г. защищавшие Израиль в ООН США поступили так же, как их протеже, и это не добавляло симпатий американской стороне. Лозунги битвы с мировым злом за свободу и демократию, с энтузиазмом воспринятые союзниками США в 2001 г., на тот момент действия не возымели.

Разоблачения, связанные с делом «Иран-контрас», казалось, должны были дискредитировать продвигаемый курс. Сделка с Ираном, объявленным одним из главных спонсоров терроризма, и поддержка никарагуанских повстанцев в обход законодательного запрета противоречили всем провозглашенным принципам. Действительно, в связи с разгоревшимся скандалом и кадровыми изменениями в администрации до конца президентского срока Рейгана от решительного продвижения по пути противостояния международному терроризму пришлось отказаться. Однако все ключевые концептуальные и стратегические наработки на этом направлении перешли в наследство Джорджу Бушу-старшему, служившему вице-президентом при Рейгане и сменившему того на посту главы государства в 1989 г. Он высоко оценивал результаты антитеррористической деятельности предыдущей администрации, заявлял об «огромных успехах» на этом поприще, и признавал эффективность применения военной силы против «государств-спонсоров» [22].

Новый президент ожидаемо снизил накал риторики, убрал тему борьбы с терроризмом из национальной повестки дня и постоянного поля внимания общественности, но оставил неизменными сформулированные при Рейгане основные принципы контртеррористической политики США. В ежегодном отчете Госдепартамента «Модели глобального терроризма» (Patterns of Global Terrorism) за 1989 г. [23] формулировки этих принципов полностью заимствованы из предыдущего [8]: не идти на соглашения с террористами, заставить «страны-спонсоры терроризма» заплатить за свои действия и активно работать внутри страны и по всему миру для развития и распространения эффективных инструментов предупреждения и противодействия террористическим атакам. Наряду с этим в формулировании проблемы международного терроризма появляется новое важное измерение –

опасность получения террористами оружия массового уничтожения. На волне обвинений Ирака в злоупотреблении ОМУ во время войны с Ираном США присоединились к международной Конвенции о биологическом оружии и приняли Антитеррористический закон о биологическом оружии 1989 г. (Biological Weapons Anti-Terrorism Act) [24].

Важно отметить, что со второй половины 1980-х гг. в Белом доме постепенно происходил отход от ассоциации террористической угрозы с влиянием Советского Союза. По мере сближения в американо-советских отношениях эта ассоциация становилась все более неудобной, и при Буше-старшем проблема международного терроризма была выведена за рамки контекста холодной войны, идущей к завершению. Это в свою очередь позволяло после распада СССР произвести замену в восприятии главного врага США, не отказываясь при этом от логики глобального противостояния. Признание возможного наличия у террористов или «государств-спонсоров» химического, биологического или ядерного оружия выводило угрозу международного терроризма на уровень опасности фактически равнозначной той, что представлял ранее Советский Союз.

В неоконсервативных кругах в 1991 г. звучали обращенные к президенту Бушу призывы вывести контртеррористическую повестку из тени, снова сделать ее приоритетной в глазах американской и мировой общественности и на волне успеха США в Персидском заливе, пользуясь отсутствием конкурентов, под лозунгом борьбы с международным терроризмом решить все свои задачи на Ближнем Востоке. Решение, разумеется, предлагалось, военное [25]. При первом Буше этого не произошло, однако тема борьбы с международным терроризмом вновь заняла одно из ведущих мест во внутренней и внешней политике США после прихода к власти Билла Клинтона. Этому способствовало совершение нескольких крупных и резонансных терактов внутри США и за рубежом: 25 февраля 1993 г. была взорвана бомба в подвале Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, погибли 6 чел.; 19 апреля 1995 г. мощный взрыв прогремел в Оклахома-Сити, где число погибших достигло 168 чел.; в марте 1995 г. мир потрясло известие о зариновой атаке в токийском метро. Ответственность за каждый из этих терактов лежала на разных идеологических группах – в Нью-Йорке это были члены «Аль-Каиды», в Оклахоме – ультраправые радикалы, в Токио – секта «Аум Синрикё», однако в дискурсе террористической угрозы все они изображались как явления одного порядка.

Билл Клинтон сформулировал концепцию «нового» или «катастрофического» терроризма [26]. В рамках этой концепции проблема терроризма теперь прочно и однозначно увязывалась с проблемой распространения и использования

ОМУ и это наряду с трансграничным характером террористической деятельности делало его «катастрофическим». «Новой» террористической угрозой становилась в связи с рисками ее перехода в киберпространство.

Клинтон говорил о размывании границ между внутренним и внешним терроризмом и формировании глобальной угрозы, требующей универсальной стратегии противодействия. В рамках этой стратегии важное место вновь занял концепт «государств-спонсоров терроризма», которые теперь звучно именовались «странами-изгоями» [27] и в отношении которых однозначно провозглашался курс на сдерживание. В 1995 г. была принята Президентская директива [28], в которой, помимо намерений энергично реагировать и применять все доступные средства для сдерживания и поражения террористов в небе, на воде, внутри страны или на территории иностранных государств и использовать для этого все возможные средства, в том числе и военные, ставилась задача обеспечить информационную и дипломатическую поддержку антитеррористической политики США. Очевидно, памятуя о негативной международной реакции на бомбардировки Ливии в 1986 г., Клинтон выделил в отдельный пункт директивы задачи публичной дипломатии США, призванной сформировать у мировой общественности ясное представление о позиции, целях и возможностях США в борьбе с терроризмом и подготовить аудиторию к неизбежному использованию этих возможностей в случае необходимости.

Случай представился довольно скоро – в феврале 1998 г. Усама бен Ладен выпустил фетву – заключение о том, что убийство американцев и их союзников считается богоугодным делом, а в августе 1998 г. боевики «Аль-Каиды» взорвали американские посольства в Кении и Танзании. Клинтон заявил, что бен Ладен ведет против Америки «террористическую войну» [29], и приказал нанести ракетные удары по фармацевтическому заводу в Судане, где, как предполагалось, изготавливались компоненты химического оружия для террористов, и по тренировочному лагерю боевиков в афганской провинции Хост, где предположительно скрывался Бен-Ладен. Предоставить однозначных доказательств связи фармзавода и его погибших работников с «Аль-Каидой» в итоге не удалось [30], уничтожить Бен-Ладена тоже, но страны Запада в этот раз поддержали действия США, как и большая часть американской общественности [31].

В обращении к нации по поводу нанесения ударов по «террористическим объектам» в Афганистане и Судане Клинтон, как и его предшественники, упирал на особую роль Америки и изображал борьбу с терроризмом как «борьбу между свободой и фанатизмом», где олицетворяющие свободу США должны делать

все, что потребуется, ибо бездействие Америки перед лицом смертельного врага более рискованно, чем любое действие. Обращает на себя внимание реплика Клинтона о перспективах контртеррористической борьбы: «Наша битва с терроризмом... не закончится сегодняшним ударом. Она потребует силы, мужества и выносливости... мы выстоим в ней, сколько бы времени это ни заняло» [29]. В сентябре 2001 г. Джордж Буш-младший, объявляя начало похода «свободы против страха», практически копирует эту мысль [32], анонсируя долгую войну Америки и ее союзников против «врагов свободного мира» – войну, правила, которой собирались диктовать Соединенные Штаты.

В заключение можно вновь подчеркнуть, что ключевые компоненты концепции «глобальной войны террором», начатой США после терактов 11 сентября 2001 г., были выработаны в 1980–1990-е гг. В администрации Рейгана были сформированы ее базовые элементы: образ терроризма как «мирового зла», имманентно враждебного ценностям свободы и демократии; определение террористического акта как формы военного действия, делающего возможным и правомерным военный ответ; провозглашение глобальной спасительной миссии Америки и обоснование ее права на упреждающий удар с позиций морали, которая выше закона; воплощение образа врага в виде «государств-спонсоров терроризма». В этот же период принцип военного возмездия и упреждения был апробирован на практике и выявлены нюансы, требующие доработки, в частности, касающиеся обеспечения международной поддержки военных контртеррористических операций. В период президентства Джорджа Буша-старшего в концепцию был добавлен важный компонент, связанный с опасностью завладения террористами оружием массового уничтожения, и угроза терроризма возросла до масштабов, достаточных, чтобы занять место главного врага Соединенных Штатов, заменив Советский Союз. При Клинтоне каждый из указанных концептов был усилен и, кроме того, проведена работа по обеспечению лояльной международной конъюнктуры. Таким образом, когда перед Джорджем Бушем-младшим встала задача ответить на удар, нанесенный Аль-Каидой, у него в руках были готовые инструменты, позволяющие не только обосновать «войну с террором», но и превратить эту концепцию в часть стратегии глобального доминирования США.

Список литературы

1. President Holds Prime Time News Conference. October 11, 2001 // The White House. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/10/20011011-7.html> (дата обращения: 02.05.2024).
2. Peace: Restoring the Margin of Safety. August 18, 1980 // Ronald Reagan. Presidential Library & Mu-

- seum. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/peace-restoring-margin-safety> (дата обращения: 02.05.2024).
3. *Koppel T.* 30 years after the Iran hostage crisis, we're still fighting Reagan's war // *The Washington Post*. January 21, 2011. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/30-years-after-the-iran-hostage-crisis-were-still-fighting-reagans-war/2011/01/21/ABYwAKR_story.html?outputType=amp&itid=sr_7_6c0ade7d-4c17-4df7-86e3-415f170e3c5f (дата обращения: 02.05.2024).
 4. *Wills D. C.* *The First War on Terrorism: The Battle Over Counter-Terrorism Policy During the Reagan Administration*. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2003. 285 p.
 5. *Jackson R. D. W.* *Writing Wars on Terrorism: The Rhetoric of Counter-Terrorism from Ronald Reagan to George W. Bush Jr.* Aberystwyth University, 2005. 29 p.
 6. Televised Address by Governor Ronald Reagan: A Strategy for Peace in the 80's. October 19, 1980 // *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/televised-address-governor-ronald-reagan-strategy-for-peace-the-80s> (дата обращения: 19.04.2024).
 7. *Toaldo M.* *The Reagan Administration and the Origins of the War on Terror: Lebanon and Libya as Case Studies* // *New Middle Eastern Studies*. 2012. № 2. 18 p. URL: <http://www.brisemes.ac.uk/nmes/archives/767> (дата обращения: 19.04.2024).
 8. *Patterns of Global Terrorism: 1988*. Washington, DC : US Department of State, March 1989. viii+84 p.
 9. *Taubman P.* U.S. Tries to Back Up Haig on Terrorism. May 3, 1981 // *The New York Times*. May 3, 1981. URL: <https://www.nytimes.com/1981/05/03/world/us-tries-to-back-up-haig-on-terrorism.html> (дата обращения: 19.04.2024).
 10. Address to the Nation on Events in Lebanon and Grenada. October 27, 1983 // Ronald Reagan. Presidential Library & Museum. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-nation-events-lebanon-and-grenada> (дата обращения: 19.04.2024).
 11. *Brands H.* *Making the Unipolar Moment. U.S. Foreign Policy and the Rise of the Post-Cold War Order*. London : Cornell University Press, 2016. 469 p.
 12. Report of the DOD Commission on Beirut International Airport Terrorist Act, October 23, 1983. 147 p. URL: <https://irp.fas.org/threat/beirut-1983.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).
 13. Secretary Shultz. Terrorism and the Modern World // Ronald Reagan Presidential Library Digital Library Collections. Collection: Correspondence, Office of: Records. Folder Title: AVH-347 – Support for Secretary Shultz's Remarks on Terrorism. Box: 20. P. 9–14. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/digitallibrary/smith/correspondence/coroffice/box-020/40-108-7560791-020-031-2019.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).
 14. State Sponsors of Terrorism // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/state-sponsors-of-terrorism/> (дата обращения: 20.04.2024).
 15. S. 737 – Export Administration Act of 1979. URL: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/senate-bill/737/text> (дата обращения: 20.04.2024).
 16. Draft speech on terrorism for delivery by Secretary Shultz at the Jonathan Institute Conference, June 24, 1984 // Ronald Reagan Presidential Library Digital Library Collections. Collection: Fortier, Donald: Files. Folder Title: [Terrorism] [Shultz Material]. Box: RAC Box 18. P. 12–30.
 17. *Jenkins B. M.* *International Terrorism: The Other World War*. Santa Monica : The RAND Corporation, 1985. VII+29 p.
 18. *Sanford M.* "This is a Game": A History of the Foreign Terrorist Organization and State Sponsors of Terrorism Lists and their Applications // *History in the Making*. 2020. Vol. 13, article 10. P. 139–174.
 19. National Security Decision Directive 138 "Combating Terrorism". April 3, 1984. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-138.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).
 20. *Jenkins B. M.* *Defense Against Terrorism* // *Political Science Quarterly*. 1986. Vol. 101, № 5. P. 773–786.
 21. *Brulin R.* Compartmentalization, contexts of speech and the Israeli origins of the American discourse on "terrorism" // *Dialectical Anthropology*. 2015. Vol. 39, № 1. P. 69–119.
 22. Presidential Debate in Winston-Salem, North Carolina. September 25, 1988 // *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/presidential-debate-winston-salem-north-carolina> (дата обращения: 20.04.2024).
 23. *Patterns of Global Terrorism: 1989*. Washington, DC : US Department of State, April 1989. VIII+86 p.
 24. S.993 – Biological Weapons Anti-Terrorism Act of 1989. URL: <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/senate-bill/993> (дата обращения: 20.04.2024).
 25. *Silverstein D.* *An American Strategy Against Terrorism* // *The Heritage Foundation*. 1991. Aug. 23. URL: <https://www.heritage.org/homeland-security/report/american-strategy-against-terrorism> (дата обращения: 20.04.2024).
 26. *Tsui C.-K.* Framing the threat of catastrophic terrorism: Genealogy, discourse and President Clinton's counterterrorism approach // *International Politics*. 2015. Vol. 52, № 1. P. 66–88.
 27. Remarks at the World Jewish Congress Dinner in New York City. April 30, 1995 // *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-world-jewish-congress-dinner-new-york-city> (дата обращения: 21.04.2024).
 28. Presidential Decision Directive/NSC-39. June 21, 1995 // Clinton Digital Library. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/12755> (дата обращения: 21.04.2024).
 29. Address to the Nation on Military Action Against Terrorist Sites in Afghanistan and Sudan. August 20, 1998 // *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-nation-military-action-against-terrorist-sites-afghanistan-and-sudan> (дата обращения: 21.04.2024).

30. *Marshall A.* US evidence of terror links to blitzed medicine factory was 'totally wrong' // Independent. February 15, 1999. URL: <https://www.independent.co.uk/news/us-evidence-of-terror-links-to-blitzed-medicine-factory-was-totally-wrong-1071064.html> (дата обращения: 21.04.2024).
31. *Barabak M. Z.* U.S. Raids Get Broad Support; Clinton Issues Not Significant // Los Angeles Times. August 23, 1998. URL: U.S. Raids Get Broad Support; Clinton Issues Not Significant – Los Angeles Times (latimes.com) (дата обращения: 21.04.2024).
32. Address to a Joint Session of Congress and the American People. September 20, 2001 // The White House. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010920-8.html> (дата обращения: 21.04.2024).

Поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 28.06.2024